

Бера Митонцы

и онцархическое счастье

КАРТАВЦЕВ ВЛАДИСЛАВ

ТРОФИМОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА

Вера Штольц. Женский роман-сериал

Владислав Картавцев

**Вера Штольц и
олигархическое счастье**

«Accent Graphics communications»

2015

Картавцев В.

Вера Штольц и олигархическое счастье / В. Картавцев — «Accent Graphics communications», 2015 — (Вера Штольц. Женский роман-сериал)

Вера проснулась от того, что у нее затекла шея. Какими бы широкими и мягкими не были диваны в спальном купе фирменного поезда Москва-Санкт-Петербург, но, конечно, домашнюю постель они заменить не могли. Вера перевернулась на другой бок в надежде еще немного подремать под звук колес, но несвязные мысли о своей дальнейшей судьбе не дали ей полноценно насладиться покоем и тут же начали свой нескончаемый бег по кругу. Она открыла глаза – уже окончательно, и убедилась, что с момента их отъезда из Москвы пока ничего особенного не произошло. На соседней полке спал Степан и чему-то улыбался во сне. Сейчас его лицо было немного похоже на девичье, и Вера поймала себя на мысли, что может первый раз не торопясь его рассмотреть.

© Картавцев В., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Краткое содержание предыдущей части	5
Глава первая. Так что же теперь?	6
Глава вторая. Лютый зверь	17
Глава третья. Начинается!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владислав Картавец, Ольга Трофимова

Вера Штольц и олигархическое счастье

Краткое содержание предыдущей части

Вера Штольц, привлекательная молодая замужняя москвичка, прямо в день своего рождения узнает, что муж укатил с любовницей на Тайвань, где теперь и развлекается.

По совету подружек Вера едет вместе с ними в Санкт-Петербург искать олигарха взамен сбежавшего мужа, но находит только скромного Степана, который никак на олигарха не похож, зато очень приятен в общении и ненавязчив.

В это время на Тайване происходят бурные события с рукоприкладством и распитием горячительных напитков, в результате чего любовница мужа сбегает с богатым джентльменом из Швейцарии, бизнес мужа находится под угрозой, а сам он с позором возвращается в Москву, где его ждет неприятный семейный сюрприз.

После возвращения из Санкт-Петербурга Вера неожиданно узнает, что стала победительницей конкурса моделей и профессионального мастерства среди стилистов, и теперь ее ждет главный приз в виде фотосессии в модном глянцево-м журнале. На церемонии награждения она встречает Степана, который специально приехал за ней в Москву, и узнает, что тот является завидным женихом и полюбил ее с первого взгляда.

В результате неловкого спонтанного разговора с мужем Вера принимает решение сбежать со Степаном в Санкт-Петербург...

Глава первая. Так что же теперь?

Вера проснулась от того, что у нее затекла шея. Какими бы широкими и мягкими не были диваны в спальном купе фирменного поезда Москва-Санкт-Петербург, но, конечно, домашнюю постель они заменить не могли. Вера перевернулась на другой бок в надежде еще немного подремать под звук колес, но несвязные мысли о своей дальнейшей судьбе не дали ей полноценно насладиться покоем и тут же начали свой нескончаемый бег по кругу.

Она открыла глаза – уже окончательно, и убедилась, что с момента их отъезда из Москвы пока ничего особенного не произошло. На соседней полке спал Степан и чему-то улыбался во сне. Сейчас его лицо было немного похоже на девичье, и Вера поймала себя на мысли, что может первый раз не торопясь его рассмотреть.

Как уже знают наши читатели, Степан был высоким и привлекательным молодым человеком. У него были тонкие черты лица, немного зеленоватые глаза, небольшой, обычно упрямо сжатый рот, нос с маленькой горбинкой и классический подбородок, говоривший о том, что Жерар Депардьё ему совсем не родственник. Хотя это можно было утверждать и по носу. В общем, Степан с точки зрения Веры был очень привлекательным – что еще более подчеркивалось его атлетической фигурой.

Вера села и нащарила ногой тапочки. Хорошо, что в поездах, подобных этому, каждому пассажиру выдают набор с одноразовыми гигиеническими принадлежностями и тапочками, а то бы ей было нечем даже почистить зубы с утра – таким внезапным был ее побег со Степаном. Они приехали на вокзал за полчаса до отхода последнего ночного поезда в Санкт-Петербург и судорожно понеслись в ближайший круглосуточный магазин за одеждой для Веры. Не будем забывать, что она так и оставалась в шикарном коротком платье, туфлях и летнем плаще, и кроме изысканной сумочки, в которой лежали кошелек с энной суммой денег, пара банковских карт, немного косметики и ключи от квартиры (ее теперь предстоит делить), у нее ничего не было.

В магазине из одежды продавался сплошной сюр, но выбирать особо не приходилось. Там Вера купила какие-то немыслимые леггинсы, длинную майку и серую кофту, переплатив, конечно, вдвое. Но разве были варианты – поезд вот-вот грозил отойти, а не успеют они, то пришлось бы куковать на вокзале до самого утра. Или искать гостиницу, или возвращаться к Борису, что тоже не сильно удобно. В суматохе Вера со Степаном почти не разговаривали, и пока добирались до вокзала, пока бегали и покупали вещи, Вера так и не успела рассказать ему, что же произошло.

Теперь она смотрела на него спящего и понимала, что он о ней совсем ничего не знает, впрочем, как и она о нем, и она ввязалась в авантюру, равную которой видела только в кино. Сбежать от мужа с почти незнакомым человеком в другой город посреди ночи – это что-то! Когда Ирка узнает, она просто обалдеет от Вериной решимости. А Лена, наверное, даже покртит у виска – дескать, совсем ку-ку!

Вдруг Вере стало страшно – что же с ней теперь будет? Тяжелые мысли накатили с новой силой, и она окончательно поняла, что несколько часов назад полностью сожгла за собой мосты, и что теперь ей придется надеяться только на себя и на чудо. Очень хотелось надеяться еще и на Степана, но пока следовало, все же, проявлять осторожность. Что еще выйдет из их предприятия – одному богу известно, и как еще отреагируют его родители на Верино появление – вот еще вопрос! Но с другой стороны, как там говорится – лучше ужасный конец, чем ужас без конца, и поэтому даже хорошо, что с Аполлинарием так легко и без лишней траты сил все разрешилось, и все точки над «И» расставлены, и теперь они почти что квиты, а как там дальше пойдет – будет видно.

И, воспрянув от этой мысли, они тихонько, стараясь не разбудить спящего Степана, выскользнула из купе в туалет – умыться и приводить себя в порядок. Когда она вернулась, Степан уже проснулся. Он пока не собирался вставать, а нежился под одеялом и при виде Веры широко заулыбался. В отличие от Веры он являл собой картину полной беспечности, она же, наоборот, была предельно серьезна:

– Доброе утро! Ты уже проснулся? Как спалось? – Вера под села к окну, открыла бутылку минералки без газа и налила воды в стакан. – Пить будешь?

– Нет, пока не хочу. А ты что такая серьезная?

– А как ты думаешь? Я ведь сбежала от мужа, или ты еще не в курсе, что я замужем? Между прочим, из-за тебя! – Вера запальчиво ткнула в Степана пальцем. – Только не думай, что меня интересуют твои деньги – даже несмотря на то, что ты богатый! Мне и своих хватает! Слава богу, прожила уже столько и еще проживу! – Вера вдруг охватило отчаяние: она едет в другой город, а скоро у нее начнется рабочий день, и никто на работе знать не знает, что ее сегодня не будет, а, может, и вообще, больше никогда не будет! И квартира у нее в Москве осталась, и подружки. Словом, в Москве у нее была ее жизнь, а теперь-то чего ожидать? – она прикусила губу, и ее глаза немного увлажнились.

Степан, не ожидавший от нее такой реакции на простой вопрос, резко поднялся с кровати и подсел к Вере. Он осторожно погладил ее по голове, пытаясь успокоить, как неразумного маленького ребенка:

– Да что на тебя нашло? Мы же вчера уже все решили – прямо сегодня едем к моим родителям знакомиться, и скоро свадьба. Или же ты думаешь, что я могу вот так взять тебя и обмануть?

– Нет, конечно, не думаю! – Вера слабо улыбнулась и прижалась к Степану. Он обхватил ее рукой за плечи и в свою очередь положил ей голову на плечо. – Но, понимаешь, сейчас у меня настроение не такое праздничное, как у тебя! Я все-таки девушка серьезная, и такие приключения, как у меня были вчера и сегодня, для меня не совсем привычны! И это еще слабо сказано! Что теперь на работе говорить? И чем я буду в Питере заниматься? И где я буду жить? И с кем я буду общаться? В общем, что мне делать? – вопросы посыпались из нее один за другим, как горох из надорванного пакета в супермаркете.

Степан уловил в ее голосе нотки надвигающейся паники и, как мог, попытался ее успокоить:

– Вера, ну перестань! С этим проблем не будет вообще! Обещаю! Вот посмотришь, как у нас классно! Ты в своей занюханной Москве такой жизни и не видела! Кстати, как ты хочешь, чтобы я тебя называл? Т. е., конечно, Вера – отличное имя, но может, тебе еще как-нибудь нравится? – Степан неожиданно сменил тему, чем привел Веру в сильное недоумение:

– Конечно, нравится! Например, Жанна Д'Арк или Софи Лорен! Степан, ну что ты такие вопросы задаешь? Как маленький, право слово! Как тебе нравится, так и называй, а я, если что, тебя поправлю. Да, а можно я буду называть тебя бобриком – между нами, конечно?

– Бобриком? А что это «бобриком»? Что это, вообще, такое?

– Как что? Так прикольно, и кроме того, ты такой мощный и одновременно мягкий – словом, как бобрик самый настоящий и вылитый!

– Ну, у тебя и фантазия! Ну, как хочешь, бобрик, так бобрик – тоже, в общем, зверь приятный, плотины строит и с лапами, и ни какая-нибудь тебе рыба, а вполне себе теплокровный и трудолюбивый! А ты тогда будешь лаской! Точно, ласка – так я тебя и буду звать!

Вера рассмеялась: она постаралась поддеть Степана, но он оказался вполне миролюбивым и остроумным и тут же придумал для нее прозвище, которое ей сразу понравилось. Она вытолкала Степана на его койку, подхватила со стола два стакана и пошла за чаем для себя и кофе для него. Он уже вчера успел сообщить ей, что страсть как любит кофе и предпочитает его всему остальному – особенно по утрам. В поезде, конечно, был только растворимый, но

проводник заверил, что он очень вкусный, и Вера, поверив ему на слово, вскоре вернулась в купе, осторожно неся наполненные кипятком стаканы.

Пауза в размышлениях о своей тяжелой судьбе пошла ей на пользу. Она немного успокоилась и пришла к выводу, что и вправду – чего хорошего она видела-то в Москве в последнее время? Муж, который не появляется дома, и вообще не понятно – может, он уже голубой, работа в несерьезной конторе и с несерьезной зарплатой, подружки, которые сами же и подбивали ее искать другого мужика? И, кроме того, кто сказал, что нужно прямо сейчас рвать и с работой, и с подружками? Она может спокойно позвонить в контору и сказать, что больная – Сан Саныч в таких случаях даже справки не требовал, а только желал поскорее выздороветь, и пока не вылечишься – на работу не приходите. А, может, она разругалась с Иркочкой и с Леной? Тоже нет! Так, в чем дело? В Аполлинарии? Да, было бы неплохо, если бы он посидел еще пару недель на своем Тайване, а не завалился неожиданно домой, но – с другой стороны – а уехала бы она со Степаном без скандала с мужем, хватило бы у нее силы вот так просто укатить в другой город?

Вера просветлела лицом – ее приключение продолжается, а Питер – что ни говори – город особенный, и вдруг ей повезет, и она найдет там свое счастье? И она шутливо щипнула Степана за мягкое место (так, что он от неожиданности даже подскочил), скривила ему смешную рожицу и стала с удовольствием прихлебывать чай из стакана, наблюдая, как за окном мелькают деревца-домики и опять деревца.

Степан сразу заметил перемену в ее настроении (не слепой же он был!) и тоже повеселел. Он, как это ни странно звучит, уже целых два месяца жил в предчувствии, что скоро встретит свою избранницу, и, кажется, в этот раз предчувствия его не подвели. Вообще, с подходящими кандидатурами было туго – хотя, конечно, вниманием женского пола, которое изливалось на него со всех сторон, можно было запросто наполнить парочку сто двадцатитонных железнодорожных нефтяных цистерн, но все это было не то.

Девушки вились вокруг него все время, желая заполучить в сети такого завидного мужа, как Степан. А с полгода назад у него завершился долгоиграющий роман с известной питерской фотомodelью – они окончательно расстались и решили больше не морочить друг другу голову. А так – что там скрывать, он часто просыпался в одной постели то с одной, то с другой, но сразу же спешил от них избавиться. А вот с Верой все было как-то по-особенному. Ему даже не хотелось форсировать с ней отношения, а просто появилась насущная потребность быть рядом. Так бывает, когда действительно на пути встречается человек, который может стать твоим спутником на всю жизнь, и с которым тебе будет хорошо и радостно. Степан чувствовал, что Вера может стать для него именно таким человеком, и готов был идти до конца.

Насчет предстоящей встречи с родителями Степан предпочитал пока не думать. В отце он почти не сомневался – тот уже много раз говорил, что примет любой выбор сына, потому что считает его взрослым и самостоятельным человеком, способным на настоящие поступки. Но вот мама... Ее реакция была совершенно непредсказуемой, и кто-кто, а она-то уж точно не готова отдавать единственного сына в лапы этих «лахудр» – как она всегда называла новых пассий Степана. А с ее мнением приходилось считаться, поскольку даже папа к нему прислушивался. Так что здесь были свои тонкости. Впрочем, Степан надеялся, что в этот раз все будет хорошо.

Вера, тем временем вдоволь наглядевшись в окно, принялась выпрашивать у него, где они едут, и как называются мелькающие тут и там поселки и пригороды. Она совершенно ничего не знала о Ленинградской области, и названия, которыми сыпал Степан, ей ни о чем не говорили. Пришлось ему прочитать Вере лекцию из курса родной географии и рассказать пару историй, связанных с тем или иным местом. Они сидели друг напротив друга и время от времени ненадолго прерывались, чтобы пристально посмотреть друг другу в глаза. Тогда Степан чувствовал, что может прямо сейчас утонуть в Верином взгляде и уже никогда оттуда не

выбраться. Это было для него столь необычно, что он не мог долго выносить своего состояния и постоянно отводил взгляд. А Вера заразительно смеялась и норовила снова и снова ущипнуть его то за колено, то чуть повыше. На что Степан в свою очередь отвечал – пытаюсь ухватить ее за плечи и через стол притянуть к себе. Но Вера была начеку и вовремя отпрыгивала назад, пару раз даже слегка ударившись спиной о мягкий бортик на стене.

Так они и резвились – пока, наконец, не пришло время собираться на выход. Поезд уже вовсю катил по городу и через десять минут должен был прибыть на вокзал. Вера то и дело посматривала на часы – она прикидывала, когда в ее московском офисе появится Кирилл, чтобы ему позвонить и сообщить о болезни. А, может, стоило дожидаться самого Сан Саныча – ведь директор именно он? В итоге она решила набрать именно его – где-нибудь часиков в двенадцать.

Степан тем временем тоже плотно подсел на телефон. Для начала он позвонил водителю и отдал распоряжение подобрать их на вокзале, потом стал поочередно обзванивать каких-то своих подчиненных и деловито и очень коротко давать им задания на день грядущий. Теперь в нем чувствовался руководитель – властный и жесткий – и такая метаморфоза немного смутила Веру – она все еще воспринимала его, как какого-то слегка непутевого и чуть-чуть застенчивого молодого человека – хотя уже имела возможность лицезреть, как он умеет действовать и улаживать проблемы (например, когда он помогал Вере – а точнее, организовывал эвакуацию из «Золушки» пьяных вдрабадан Ирки и Лены).

По прибытию поезда водитель Степана – его звали Сергей – уже на всякий случай (если придется что-либо тащить) ждал их возле вагона. Когда Вера вышла вслед за Степаном, она успела уловить его оценивающий взгляд и красноречивое выражение лица из разряда: «Ну, вот и еще одна!», что ей очень не понравилось. Поначалу она вспыхнула, но потом взяла себя в руки и решила впредь (что бы ни произошло!) относиться к Сергею, как к мебели: «А потому что нечего заранее развешивать ярлыки на нормального человека!» Она холодно поздоровалась с ним и отвернулась, переключив все свое внимание на окружающую ее вокзальную суету.

В принципе, вокзал почти ничем не отличался от аналогичного московского, но все же различия были. Другой была сама атмосфера. Народу было значительно меньше, напряжение в воздухе было значительно ниже, а люди казались какими-то более интеллигентными, что ли. Хотя, о какой интеллигентности может идти речь на вокзале? И тем не менее. В отличие от Москвы, в которую всегда (или почти всегда) приезжают работать, в Питер едет много туристов – они и создают особую праздничную атмосферу. И это, конечно, чувствуется. И дышится на питерском вокзале много легче, чем на московском.

Вера стояла немного в стороне, пока Степан о чем-то говорил с водителем. Она видела, как Сергей отдал ему ключи от машины, а сам двинулся к выходу с вокзала. Вера проводила его неприязненным взглядом, который заметил и Степан:

– Вы что – поссорились уже? И когда только успели? Но, впрочем, не переживай! Мне он тоже не особо нравится в последнее время, так что, скорее всего, придется с ним расстаться, – и Степан повел Веру на стоянку – какими-то кругами и неприметными ходами. Вскоре они подошли к машине – ею оказался черный тюннингованный «Геленваген»: машина всем хорошая – только, чтобы в нее забраться, нужно высоко поднимать ноги, что дамам в коротеньких платьях представляется не очень удобным. Но к Вере, конечно, сейчас это не имело никакого отношения.

Зато из машины открывался чудесный вид на припаркованные рядом автомобильчики размером поменьше – так что Вера сразу почувствовала себя в прямом и переносном смысле на высоте. «Геленваген» был роскошен – отделка благородным деревом, дорогая кожа, хром и одновременно строгая немецкая рациональность являли собой картину элитарной простоты и совершенства, которая так мила сердцу любого ценителя дорогих автомобилей.

Степан завел двигатель, и они медленно выкатили со стоянки, постепенно набирая скорость и устремляясь в сторону улицы Кирочной, а именно к дому 41 корпус 7, где у Степана была шикарная двухэтажная квартира в двести (с небольшим хвостиком) квадратных метров и изумительным видом на Таврический сад.

Вера сидела рядом со Степаном, слегка притихшая, – ей нужно было время, чтобы свыкнуться со своим новым положением. Кстати, каково оно – ее положение? Судя по словам Степана – вроде, очень даже и ничего. Но если проанализировать реакцию его водителя, может оказаться, что оно совсем не такое. Ведь не стал бы он кривить рожи, если бы доподлинно не знал, скольких девочек Степан прежде катал на своей машине. Кстати, о машине. По всему видно, у Степана нет недостатка в деньгах – как и трубили ей еще в Москве все кому не лень. И, наверняка, все остальное тоже будет по высшему разряду. Что служит поводом еще раз задуматься – а зачем ему, вообще, она понадобилась? Мало ли таких неприкаянных вокруг вертится!

И Вера вновь погрузилась. Сказка, разворачивающаяся у нее перед глазами, пока была наполнена отнюдь не звоном серебряных колокольчиков и сиянием драгоценных камней, а тяжкими размышлениями о своей непредсказуемой судьбе. Здесь все приходилось брать на веру (не на Веру, а на веру, еще раз уточняем) и надеяться, что в итоге все закончится хорошо – ну или, по крайней мере, с небольшими потерями. С другой стороны – шанс, выпавший Вере, был великолепен, и если ей удастся зацепиться за него, то это будет настоящим чудом, которому легко могла позавидовать любая старорежимная золушка.

Ведь опереться на мужчину с такими деньгами удастся мало кому в жизни, а уж стать полноценной и, может быть, даже уважаемой супругой – так вообще почти никогда! Но деньги...

Вот у Аполлинария тоже были деньги – так единственное, на что ему хватало ума, это постоянно кичиться их наличием и тратить на непонятных мутных любовниц, а вот для жены почему-то их никогда не находилось. И Вера могла рассчитывать только на свои – кровно заработанные. Конечно, что в этом хорошего? Зачем тогда вообще выходить замуж, если любовницам достается все, а жене только: «Поди туда, принеси то, а потом – марш на работу!».

Мысль о лучшей жизни любовницы по сравнению с женой пришла к Вере внезапно и так же внезапно разрослась в размерах и заняла всю перспективу, настойчиво предлагая ее обсудить и немного пофантазировать, а что бы было, если...

«Если перестать постоянно нудеть о ребенке, нудеть о том, что семейные ценности превыше всего, а просто оставаться такой, как есть – независимой и непостоянной. Ведь именно это мужчин и привлекает, и именно ради этого они готовы изменять надоевшим и таким скучным женам с первой встречной смазливой (в смысле, короткой) юбкой!»

И Вера вдруг отчего-то представила себя в образе именно такой любовницы, которая совершенно не задумывается о дне грядущем, а просто пользуется мужчинами по своему усмотрению. От напряжения ее лицо исказила гримаса, и она, чтобы Степан не увидел ее смущения и внутреннюю борьбу со своими чувствами, отвернулась и стала смотреть в боковое окно, наблюдая, как мимо мчащегося «Геленвагена» проносятся дома, люди и автомобили поменьше.

Она и сама не заметила, как увлеклась этим зрелищем и вошла в некое подобие медитации, внутренне ощущая, что какая-то незримая, но твердая ее часть уже приняла решение измениться – так, чтобы воспользоваться своим нынешним шансом и извлечь из него максимальную выгоду. И она задействует для этого все свои способности и ум (который, конечно, не такой, как у мужиков – но более изощренный, сметливый и более безжалостный). По крайней мере, постарается воспользоваться и будет действовать по ситуации, а там уж – насколько ее хватит. Но помыкать собой и обманывать – вот уж дудки, Вера и сама сильная и независимая!

Одновременно с принятием решения к ней пришла уверенность, что она поступает правильно и просто должна быть естественной и использовать те преимущества, которые у нее

имеются на данный момент. А это: свое жилье, деньги на банковской карте, которые пока что совсем не собираются заканчиваться, решимость характера, которую она открыла в себе совсем недавно, легкий нрав и, конечно, красота – чего тут стесняться! И, кроме того, способность нравиться и одновременно сопереживать, чего всегда не хватает сильным мужчинам. Ведь это только кажется, что они сильны настолько, что им нет нужды делиться с кем-либо своими проблемами и переживаниями – вовсе на так! Именно такие мужчины очень уязвимы и часто нуждаются в человеке, который мог бы стать для них настоящим другом! И вся проблема только в том, чтобы мужчина поверил, что вот именно эта женщина – такая!

Машина резко затормозила возле роскошного трехэтажного дома, в котором, судя по всему, было не более десятка квартир. Дорога от вокзала оказалась очень короткой, но все же Вере хватило времени, чтобы выработать для себя новый стереотип поведения. Если хотите – новый имидж, новый образ, новый стиль. У нее было огромное преимущество – Степан ее совсем не знал, и у Веры был отличный шанс преподнести себя, как она сама того хотела. Она зарядилась изрядной толикой решимости поменяться – если это будет необходимо. Конечно, речь вовсе не шла о том, чтобы сразу превратиться в «жесткую корыстную стерву», но просто – отойти от образа эдакой «тургеневской девушки», которая словно не от мира сего и живет в ею же придуманной действительности.

Вере стало легче. И она не замедлила выпорхнуть из «Геленвагена», щурясь от внезапно вышедшего из-за туч яркого солнышка. Да, так оно и есть – Вера уже совсем не такая, как прежде, и сейчас она готова к любым переменам!

Дом, к которому они подъехали, считался очень престижным, и в нем проживали только состоятельные и влиятельные люди. Он располагался одновременно и в самом центре, откуда до Дворцовой площади было рукой подать, и примыкал к Таврическому саду, что делало его действительно особенным. Вид из его окон мог очаровать кого угодно, место было тихим, уютным и очень респектабельным. Дом был полностью отреставрирован – или выстроен заново (но по канонам старого Санкт-Петербурга) – Вера пока точно сказать не могла. Но он прекрасен – в этом нет никакого сомнения! И в Москве такого, пожалуй, и не встретишь.

Степан, вольготно припарковав машину у подъезда, поставил ее на сигнализацию и, чинно раскланявшись (так, что Вера просто покатила со смеха), распахнул перед ней парадную дверь. Возле двери за стойкой (больше напоминающей ресепшн в какой-нибудь гостинице) сидел благообразного вида консьерж, который, увидев Степана и Веру, радостно заулыбался, подскочил со своего места и чуть ли не поклонился в ответ на приветствие Степана. Первое, на что обратила внимание Вера, был лифт, которого, конечно, почти никогда не встретишь в двух- или трехэтажных старых домах. А здесь он имелся, причем, огромный, новый и очень дорогой – с прозрачными стеклянными дверями и массивной, специально состаренной кабиной под бронзу. Наверх вела широкая лестница – с дубовыми перилами и встроенными в них небольшими причудливыми светильниками, которые управлялись компьютерной программой напрямую из офиса фирмы технической поддержки и включались, и выключались автоматически.

На лестничной площадке оказалось три квартиры. Как потом узнала Вера, все они были двухэтажными, и проживали в них люди весьма известные и обладающие немалым материальным достатком. В квартире напротив Степановой жил руководитель администрации губернатора Санкт-Петербурга, о полномочиях и власти которого говорить излишне. После губернатора (неофициально) он был самым влиятельным человеком в городе – хоть и просто, якобы, клерком. Еще одна квартира принадлежала состоятельному нефтетрейдеру, но он в ней почти не появлялся. Зато здесь постоянно проживала одна из его любовниц, которые менялись весьма часто и были все, как одна, длинноногими глуповатыми блондинками – с огромными голубыми глазами, выдающимся бюстом и томным взором, в котором светилась страсть к наживе.

Когда Степан и Вера поднялись на этаж, любовница нефтетрейдера как раз стояла возле двери своей квартиры и возилась с ключами. Судя по всему, она с утра пораньше собралась навестить какой-нибудь спа-салон, чтобы привести себя в форму после вчерашнего. Она, не скрываясь, осмотрела Веру с ног до головы, но в отличие от водителя Сергея рожу не скривила, но, напротив, на ее лице проступило даже несколько обиженное выражение. Что не могло укрыться от Степана, которому стало вдруг интересно, как же она воспримет Веру. Очередную любовницу нефтетрейдера звали Анжела, и она отиралась в его квартире уже почти год, что было абсолютным рекордом. Вероятно, она была не такой глупой, как все предыдущие, а может, просто нефтетрейдер уже устал от бесконечной чехарды однотипных блондинок и решил пока остановиться на одной.

Степан проследил за ее взглядом, и, вдруг, словно озарение мелькнуло у него в голове! Он понял, почему все время не может отделаться от мысли, что уже когда-то встречал Веру прежде. Картина! Одна из его самых любимых картин американского мастера Стива Хэнкса, перед которой он битый час простоял в Нью-Йоркской галерее искусств пару лет назад. Он вспомнил, насколько был тогда очарован этой девушкой, наполовину скрывавшей лицо за роскошной гривой светло-золотистых волос. И дал себе слово, что если встретит такую, то уже не отпустит! И вот она – перед ним и вызывающе смотрит на Анжелу, словно говоря: «Ну-ну, оцени меня и убейся *an* стену от зависти!».

От неожиданного открытия Степан даже пропустил поначалу Анжелино «Здрасьте!» мимо ушей, но потом опомнился и что-то невразумительное пробормотал ей в ответ. Анжела приняла независимый вид, взмахнула подбородком – как римский консул перед плебсом в момент раздачи хлеба и зрелищ, и, нарочито с большой амплитудой двигая бедрами вправо-влево, стала спускаться вниз по лестнице. Степан рассеянно проследил за ней взглядом, потом обернулся и подмигнул Вере, махнув головой в сторону Анжелы и саркастически улыбаясь.

Какая может быть Анжела, если сейчас рядом с ним Вера, как будто выпрыгнувшая из его подсознания, где она навсегда поселилась с момента его поездки в Нью-Йорк! Конечно, не она, а та мистическая девушка – так на нее похожая, но какое это имеет значение? Ведь они были словно близняшки, и, может быть, ему, не сходя с места, следовало уверовать в материализацию чувственных идей? Он смотрел на Веру широко открытыми глазами, а она, разгоряченная после безмолвной победы над Анжелой, хихикнула ему в ответ и быстро подскочила и громко чмокнула его в щеку, разворачивая его в сторону двери.

Вере не терпелось оказаться в квартире – она бы еще долго могла наслаждаться видом оторопевшего Степана (непонятно почему, впрочем), но ей так хотелось в дамскую комнату, что ждать уже было почти невозможно, и она решила ускорить ход событий. А как еще заставить мужчину двигаться с подобающей скоростью? Только пинком или лаской, и ласка – гораздо действеннее.

Наконец Степан отворил дверь, и они оказались в просторном, залитом светом холле. Первое, на что обратила внимание Вера – это наборный паркет экзотических пород дерева, который мог бы с легкостью украшать парадную резиденцию какого-нибудь небогатого правителя небольшой европейской державы. А в целом – при первом впечатлении – квартира сильно смахивала на роскошный музей-выставку современного дизайна и интерьера, что нарочито подчеркивалось обилием пустого пространства и воздуха. Конечно, Вера и не ожидала увидеть здесь россыпи пыльных старинных кресел или же массивную викторианскую мебель, но все же она испытала весьма сильное удивление, рассматривая представший у нее перед глазами образец строгого минимализма в духе дзен. И только паркет и сама квартира – жутко дорогая и жутко престижная – говорили о том, что ее хозяин совершенно не стеснен в средствах.

Но это было потом, а пока Вера ринулась в уборную, а после – в ванную, спеша принять душ и насладиться горячей водой после поезда. Но сначала она вытребовала себе роскошный банный халат – пока они ехали от вокзала, и Вера собиралась ринуться по магазинам («Что

одевать-то? Ведь даже белья и то – с собой нет!») – Степан успокоил ее, сказав, что у него в квартире есть несколько халатов и полотенец (гостевых и совсем новых, и даже не распечатанных), которые можно легко использовать. А пока Вера будет в душе, Степан обещал сделать пару звонков, и к нему прямо на квартиру привезут несколько коробок вещей для Веры (прямо со склада модного магазина), которые она сможет спокойно примерить и выбрать понравившиеся. На чем они и договорились.

Ванная оказалась подстать квартире – так же, как и туалет, само собой. Размером два на два метра, она представляла собой настоящий мини-бассейн, в котором при желании могли спокойно и одновременно утонуть несколько человек. Но Вера тонуть не собиралась, а только выпросила у Степана – куда можно сбросить грязные вещи, получила в ответ какой-то специальный бельевой пустой короб, заперлась изнутри и с наслаждением окунулась в джакузи, смывая с себя не только грязь тела, но и душевные разброд и шатание, вызванные внезапным побегом и таким же внезапным изменением своего статуса добропорядочной жены на статус отвязанной любовницы (или пока еще будущей отвязанной любовницы).

Вода – именно то, что сейчас было необходимо Вере больше всего. Перед тем, как нырнуть, она осмотрела многочисленные шкафчики, полочки и вешалки и раздобыла себе новую запечатанную зубную щетку, отличный французский шампунь «Унисекс» (полная бутылка под пломбой!), совершенно новый женский дезодорант и дневной крем очень дорогой английской марки (тоже запечатанный). Вере стало интересно, что же еще может находиться в ванной комнате из женских принадлежностей, и она еще раз внимательно прошерстила содержимое шкафчиков, но больше ничего не нашла. Зато она обнаружила одноразовые бритвы (хоть и мужские – но сейчас какое это имеет значение?) и гель для бритья, которым можно – за неимением дамского «Жилетта» – воспользоваться.

При первом осмотре у Веры сложилось впечатление, что – по крайней мере – постоянной дамы в квартире Степана нет. В противном случае, женское присутствие чувствовалось бы во всем – а уж в ванной оно сквозило бы буквально из всех щелей. Что же касается немногих женских штучек – таких, как крем и дезодорант, то они новые, и это обстоятельство сильно повысило Вере настроение. Теперь оставалось только понять, что они вообще здесь делают – но с этим можно не торопиться. И Вера, обрадованная тем, что, по крайней мере, в этой квартире сражение с местными претендентками на руку Степана пока не в планах не значится, предалась водным процедурам со всей страстью и ответственностью.

Не прошло и часа, как она вышла из ванной – освеженная, в надлежащей форме и завернутая в толстый банный халат, с наскоро подсушенными волосами (пришлось распаковать еще одно полотенце, чтобы хоть немного собрать влагу с волос) и припудренным носиком. И, слава богу, что в заветной сумочке Веры еще с Москвы оставались необходимые косметические принадлежности – щипчики, ножнички, пуховка, пудра, помада, тональный крем, тени, массажка, ну и т. д. Все это она брала с собой на церемонию награждения, и теперь косметика оказалась как никогда кстати. Конечно, сильно краситься Вера не стала, но все же не удержалась и потратила немного времени перед зеркалом – чуть-чуть лоска не бывает лишним!

Выйдя из ванной, первым делом Вера увидела Степана, разговаривающего с какой-то девушкой и хлыщеватого вида вертлявым молодым человеком, который производил впечатление нечто среднего между мужчиной и женщиной. К тому же, у него были так круто подведены глаза, что Вера, взглянув на него, чуть не покатила со смеху, но сдержалась и, приняв серьезный вид, чинно поздоровалась со всеми вновь прибывшими новыми участниками действия. Ими оказались выписанные Степаном продавцы одежды, которые, и в самом деле, притащили с собой целый самосвал шмоток – так много вокруг стояло коробок, коробочек, сундучков и пакетиков.

Степан, завидев Веру, просиял – было видно, что такая Вера ему нравится еще больше. Что ни говори, а толстый домашний халат по привлекательности иногда не уступит роскош-

ному вечернему наряду – ведь даму в наряде нужно еще завоевать, а халат – принадлежность совершенно особенная, и если дама согласилась его надеть, то это само по себе говорит уже о многом.

Степан познакомил продавцов с Верой: девушку звали Варвара, а юношу – Педерсон. По крайней мере, он сам просил так его называть. После чего Степан предложил Вере чувствовать себя совершенно спокойно, Варвара будет ей помогать, а они с Педерсоном пока ретируются, причем последний будет ждать звонка Варвары внизу в машине, а Степан (чтобы не смущать Веру) попьет кофе на втором этаже.

Вера проводила их взглядом, прикрыла дверь и нетерпеливо предложила Варваре начать прямо с нижнего белья. Сейчас это для нее самое главное – без белья жизни нет вообще, что уж тут говорить о каких-то высоких чувственных отношениях! Варвара понимающе мотнула головой и вывалила на диван упаковки с «VICTORIA'S SECRET», «FRANKLY DARLING», «AGENT PROVOCATEUR», «ID SARRIERI», «LISE CHARMELE», «LEJABY» и «GUIA LA BRUNA». Белья оказалось так много, что Вера впала бы в ступор, не будь Варвара по-настоящему высокосексным продавцом. Она моментально определила Верины параметры (44 размер, верх 75С) и тут же рассовала две трети упаковок обратно по пакетам, еле слышно бурча, что: «Чего еще ожидать от этих мужиков, которые ничего не знают, и поэтому вечно приходится все размеры таскать с собой!».

Потом Варвара еще немного подумала, и решительно убрала «GUIA LA BRUNA», авторитетно заявив Вере, что бабушкины кружева – не ее стиль. За «GUIA LA BRUNA» последовали «AGENT PROVOCATEUR» («Не тот случай, и, конечно, Вера сама все понимает!» – хотя Вера ничего не понимала) и «VICTORIA'S SECRET», поскольку: «Модельки, вроде, ничего, но так – все равно, проходняк!» Еще через минуту Варвара сдвинула в сторону упаковки с «LEJABY», которые по ее мнению нужно смотреть после – поскольку это белье хоть и хорошее – но все равно для обиходной носки.

Теперь Вере нужно было выбирать всего лишь из пятнадцати вариантов: по пять в каждом из трех оставшихся брендов. Но и даже этого ей делать не пришлось – Варвара быстро выхватила из многократно уменьшившейся в размерах кучки пару комплектов «LISE CHARMELE», один – «FRANKLY DARLING» и еще пару «ID SARRIERI» и с видом знатока отдала их Вере на примерку. Глаз у Варвары оказался наметанным, и вкус отличным. Вера проскользнула в отдельную комнату с огромным настенным зеркалом в стиле «Хайтек», быстро скинула с себя халат и с замиранием сердца стала примерять на себя чудесные обновки.

Результат превзошел все ее ожидания! Белье оказалось просто роскошным – шелк, кружева и струящийся атлас передавали телу восхитительные мягкие и комфортные ощущения, и только сейчас Вера по-настоящему поняла, чем отличается дорогое белье от обычного – которое она носила всю жизнь. Она могла бы, наверное, еще долго вертеться перед зеркалом, но ей нужно спешить, и она, перемерив поочередно все комплекты и оставшись в «LISE CHARMELE» глубокого изумрудного цвета, вернулась к Варваре, которая уже отложила для нее еще пяток комплектов «LEJABY» на каждый день.

На том и порешили, и перешли к верхней одежде. Мысленно Вера уже рисовала картины, как появится перед Степаном в своем новом белье, и что он по этому поводу скажет. Почему-то у нее постоянно вертелся на уме вот такой диалог:

– Ну, как тебе, мой нежный бобрик, новые трусики? А попа – хороша?

– Принцесса, я поражен, сражен, раздавлен! Иди же ко мне быстрее, моя Азazelь, иначе я вот-вот сгорю, как мешок угля в доменной печи!

– Э, нет! Терпение, мой дорогой принц – сначала кофе, а потом уже все остальное! Ведь кофе – это полезно, и с легкостью заменяет три часа секса на ночь!

И Вера, представив, что сей диалог скоро воплотится в жизнь, громко фыркнула от еле сдерживаемого смеха, чем вызвала на лице Варвары видимое недоумение – она как раз сейчас

пыталась объяснить Вере, чем вот эти брючки отличаются от других. Некоторое время Вера внимательно слушала, но потом решительно прервала Варвару, сказав, что целиком полагается на ее вкус и знание предмета, и что самой Вере нужно пока что каждой твари по паре – вернее, по три штуки: трое шортиков, трое штанишек, по три пары босоножек, туфель и кроссовок, три плюс еще три кофточки, три плюс еще три блузки, три плюс еще три юбки – три подлиннее, три покороче, три курточки, три плащика, три платочка, три легких шарфика, ну и напоследок – всякие мелочи: колготки, чулки, носки, ремни, чего-нибудь из бижутерии, пару солнечных очков, ну и, пожалуй, хватит. А еще – зонтик от дождя, и если Вера еще чего-нибудь придумает, то скажет.

Вера думала, что Варвара по достоинству оценит ее шутку, и они вместе посмеются, но та и не думала. Вместо этого она немедленно набрала номер Педерсона и быстро-быстро затараторила в трубку, рассказывая, что именно ему еще нужно подвести прямо сейчас. Вера опешила – она и не предполагала, что ее слова воспримут дословно, но сейчас уже выбора не было – ей придется с головой окунуться в омут бесконечных примерок, и сколько времени это займет, было пока не понятно.

Но перед этим Вере необходимо выполнить две вещи: первое – позвонить в Москву Сан Санычу и отпроситься с работы по болезни, и второе – попить со Степаном вожделенного кофе и тонко намекнуть ему, чтобы он шел заниматься своими делами – примерка продлится, скорее всего, до самого вечера – но только пусть оставит Вере деньги или же карточку! Ведь судя по количеству означенных Верой вещей, затраты предстоят просто фантастические, а Вера заодно и проверит, насколько далеко Степан готов зайти в отношениях с ней – в том числе, и в финансовом плане.

Вера оставила Варвару разбираться с Педерсоном, а сама выскочила в коридор, зашла в ванную – чтобы ее никто не слышал – включила мобильный телефон и стала набирать рабочий номер офиса в Москве. Конечно, она могла позвонить и с городского, чтобы лишний раз не тратить свои деньги, но тогда ей нужно было бы разговаривать прилюдно, а Вера очень не хотела, чтобы кто-нибудь услышал, как она отпрашивается с работы на неделю, сказавшись больной. Как, например, на такой разговор отреагирует Степан? Скорее всего, не сильно хорошо.

Трубку долго никто не брал. Потом на том конце раздался полусонный голос самого Сан Саныча. Странно – ведь в отсутствие Веры должен отвечать Кирилл, потом Фиалка, а только потом директор.

– Алло, вас слушают!

– Александр Александрович, это Вера!

– Да, Вера, а ты где?

– Александр Александрович, я слегла – всю ломает, не могу с кровати подняться, температура! – Вера выпалила все это в трубку скороговоркой, стараясь, чтобы ее голос звучал особенно жалко. Это было нетрудно, поскольку Вере страшно хотелось есть – да так, что кончики пальцев уже похолодели от потери энергии, и она судорожно боролась с голодными позывами в животе. – Алло, я, наверное, не смогу прийти как минимум неделю!

– Вера, а ты меня не обманываешь? Твой муж звонил мне на работу и старался выяснить, где ты. Ты что, из дома сбежала? – при упоминании об Аполлинарии у Веры похолодело внутри: она-то уже о нем и думать забыла, а оно – вон, оказывается, что! Он даже на работу позвонил, чего с ним отродясь не бывало!

– Да, Александр Александрович! Мы с ним поругались, но только это никакого отношения к моей болезни не имеет, просто я сейчас у подруги и лежу пластом! Она меня приютила, и у меня просьба, Александр Александрович, Вы только мужу не говорите, что я Вам звонила! А я, как поправлюсь, так сразу и выйду!

– Ладно, Вера – ты же знаешь: ваши молодые разборки – не мое дело! – голос Сан Саныча потеплел, – но хорошо, что ты позвонила, а то мы уже начали волноваться! Да еще и муж твой

– надо заметить, молодой человек не очень приятный! Ну, поправляйся – неделю мы без тебя как-нибудь перекантуемся! – Сан Саныч немного помолчал и добавил:

– Вера, а ты точно будешь у нас работать, или мне уже пора искать тебе замену?

– Да, Вы что, Александр Александрович! – голос Веры сорвался в некое подобие писка, – я пока никуда не собираюсь уходить, а если и соберусь – то все чин по чину – предупрежу за два месяца, никак не меньше! – почему Вера сказала именно «два месяца», ей и самой было непонятно. Но сейчас ей не оставалось ничего иного, кроме как попытаться снять все подозрения директора, и она с таким же успехом могла сказать и «полгода».

– Ну, тогда ладно, лечись! И не возвращайся, пока не поправишься! А то мы тут болеть из-за тебя не собираемся! – и Сан Саныч (Вера ощущала всей кожей, как у него улучшилось настроение) повесил трубку.

Вера сжимала в руке телефон, и ей хотелось расплакаться. С одной стороны – вот она, вроде бы, новая жизнь, о которой может мечтать любая девушка, с другой – Москва, где муж (а он, судя по всему, уже с самого утра развил бурную деятельность по розыску сбежавшей жены), где работа и милый, немного странноватый, но добрый директор, который искренне переживает за Веру (да и коллектив, вроде, ничего), где осталась квартира, подруги – да и вообще, вся жизнь! А как еще сложится со Степаном – совсем не понятно, и что ей теперь делать с обещанием Сан Санычу?

Вера включила воду и немного умылась, чтобы чуть-чуть привести в порядок истрепанные чувства. Но только она вытерлась толстым пушистым полотенцем и собралась выйти из ванной, как телефон (о котором она совсем забыла) завибрировал у нее в кармане и издал нудный, протяжный, особого тона гудок, который мог означать только одно: звонит Аполлинарий...

Глава вторая. Лютый зверь

Аполлинарий очумело посмотрел на будильник, который верещал, не переставая, и стучал по нему кулаком. Будильник обиженно затих, и Аполлинарию даже показалось, что на его электронной поверхности высветились призрачные буквы, сложившиеся в предложение: «Кровная обида на всю жизнь». Или это ему померещилось со сна? Впрочем, какое это имело значение теперь? Теперь – именно после того, что случилось вчера. А вчера произошло что-то немыслимое, что никак не вписывалось в картину мироздания Аполлинария, и с этим срочно нужно было что-то делать.

Первое – вчера он получил от жены букетом орхидей по лицу, и это просто из ряда вон! Второе и еще более гнусное состояло в том, что жена натурально сбежала и, судя по всему, возвращаться обратно не собиралась. Как такое могло произойти? Как его подзабитая и тихая жена могла поднять на него руку? Ведь он же хозяин, он главный, он, в конце концов, добытчик! Вот и подарок ей привез роскошный – новенький китайский пылесос, чтобы в доме всегда был уют и порядок! Теперь следующее – откуда она явилась в таком виде, и что с ней произошло в его отсутствие? И вообще, что происходит? Кто-нибудь может дать ответ?

Аполлинарий подскочил с кровати и нервно забегал по квартире в надежде обнаружить пачку сигарет. Вчера он до четырех часов утра пил кофе на кухне, дожидаясь возвращения блудной жены и успокаивая себя словами, что, может, не все так серьезно, как выглядит на первый взгляд. Мысль о том, что Вера смогла действительно от него сбежать, была ему невыносима, и он сразу же отбросил ее, как фантастическую. Но это означало, что с ее стороны это просто еще один взбрык, который нужно просто обломать. А он это умеет, и, следовательно, необходимо только лишь немного подождать, и все рассосется само собой!

И, придя к такому нехитрому выводу, Аполлинарий успокоено лег в постель и уснул. Но перед этим он выпил с десяток чашек кофе на пустой желудок и выкурил, похоже, все сигареты. Нет – не все! Вот она – заначка, и теперь Аполлинарий спасен!

Сигаретный дым позволил ему немного собрать мозги в кучку. Это оказалось не так легко! К гулу в голове добавились нестерпимые позывы в животе, который буквально кричал: «Накорми меня, иначе будет хуже!». А поскольку еды в доме не было, то Аполлинарий, скрепя сердце, собрался и двинул в ближайший магазин, где купил супов и каш быстрого приготовления, пельменей, котлет и других продуктов. Еще полчаса заняло у него доведение полуфабрикатов до съедобного состояния, и он, набив желудок до самого горла, откинулся на диване, закуривая очередную сигарету и возвращаясь к действительности: «Так, что же дальше?»

Исчезнувшая с диким скандалом Вера была совершенно невероятным сбоем в жизненной программе Аполлинария. Все равно, что разорвавшийся рядом осколок метеорита, который пригибает человека к земле и лишает его возможности полета, вовлекая его в бесконечный мутный круговорот ежедневного быта. Что ни говори, а Вера была тем базисом, опираясь на который, Аполлинарий мог строить свою жизнь и заниматься своими личными делами свободно, не опасаясь остаться необстиранным, неглаженным, голодным и даже в каком-то смысле зачумленным без постоянного женского внимания.

Это состояние ему совсем не нравилось, а сама мысль о том, что теперь все придется делать самому (Аполлинарий брезгливо посмотрел на гору грязной посуды, оставшуюся после завтрака на журнальном столике перед телевизором), привела его в небольшое смятение. Отсюда следовало, что нужно, все же, попытаться найти сбежавшую жену, а уж после разобратся с ней по-настоящему. А где искать? Как где – только на работе, или же дозваниваться ей по ее мобильнику, который отключен. Кстати, насчет работы: сейчас на часах полдвенадцатого – почти полдень, а значит, жена, в любом случае, должна уже появиться в своем убогом офисе!

С этой мыслью Аполлинаруй двинул на кухню, где в подарочном фарфоровом блюде посреди обеденного стола в числе прочих бумаг и таблеток лежал небольшой блокнот с записанными там телефонными номерами. У него родилась смутная надежда, что в нем окажется и номер Вериной работы – поскольку у самого Аполлинаруя его не было. Вернее, когда-то он был внесен в «Контакты» в мобильнике Аполлинаруя, но недавно он сменил старый аппарат на новый, и номер окончательно потерялся. Да и зачем он нужен, когда всегда есть мобильник?

Но оказалось, что мобильник отнюдь не является панацеей от всех напастей, и вот теперь Аполлинаруй судорожно рылся в заветном блокноте, пытаясь обнаружить там не менее заветные цифры. Но разобраться в Вериных записях было совсем непросто – то ли она не сочла нужными вписать туда искомый офисный номер, то ли так его замаскировала, что выудить его оттуда не представлялось никакой возможности. И через десять минут безуспешных попыток отделить зерна от плевел Аполлинаруй вспотел, потом высох, потом опять вспотел, но так ничего и не смог обнаружить.

– И что дальше? – таковой была фабула поразительного и страстного по своей сути выражения, которое сорвалось у Аполлинаруя с губ, когда он, наконец, понял, что теперь Вера недоступна ему еще и на работе. Он растерянно смотрел на ненужный и бесполезный блокнот и проклинал свою непрактичность:

– А ведь говорила мне мама: «Приглядывай за своей женой, она еще покажет тебе раков, или как его, ага – где раки зимуют!». Кстати! – спасительная идея совершенно неожиданно пришла Аполлинарую в голову, и он быстро набрал мобильный номер Романны Витольдовны – своей мамы.

– Алло!

– Мам, привет, это я!

– О, Аполлинаша! Ну как ты, как работа, как жена? Ты давно вернулся?

– Да нет, мам, только вчера. Слушай, у тебя есть номер офиса Верки? Хочу ей позвонить узнать кое-что!

– Есть, а как же. У твоей мамы все есть. А что – что-нибудь случилось?

– Да нет, мам, все нормально! Просто дай мне номер. Как вы сами-то? Как отец?

– Да ничего, все хорошо. Значит, у тебя тоже все нормально? А то мы, признаться честно, переживали, что у тебя после того, как твой отец поговорил с невесткой, могут быть проблемы. Ну, значит, обошлось.

– Погоди, мам. Ты это о чем? О чем он говорил?

– Да, ничего особенного, не бери в голову. Невестка тебе, если захочет, сама все расскажет, а если молчит, значит – и нет проблем!

– Ладно, давай номер! – Аполлинаруй не стал распространяться перед мамой, что у него отнюдь не все так хорошо, как он рассказывает. Однако что-то начало постепенно проясняться – вот только, что? Тем временем Романа Витольдовна надиктовала ему номер, и он отключился.

– Так, сейчас найти Верку, а вечером нужно позвонить отцу! – с такими мыслями Аполлинаруй набрал рабочий номер офиса Веры и уже приготовился орать в трубку, но вдруг неожиданно для себя услышал на том конце провода голос, который, судя по всему, принадлежал мужчине, и мужчине далеко уже немолодому. Ведь не мог же быть такой голос у женщины?

– Здравствуйте, а Веру можно?

– Здравствуйте, а Веры пока нет на работе!

– А с кем я говорю?

– Молодой человек, может быть, Вы представитесь для начала? Вы же не у себя дома!

– Хорошо, хорошо, это Верин муж. Мне она срочно нужна!

– К сожалению, Веры нет, как я уже сказал. Мы и сами ее ищем. Так что если найдете, передайте, что неплохо бы ей было появиться в офисе!

– Ладно, ладно, передам. Все – пока! – Аполлинарий буркнул в трубку еще что-то ругательное и отключился. С досады он поначалу хотел с размаха грохнуть телефонной трубкой об аппарат, но потом, опомнившись – ведь техника ни в чем не виновата – аккуратно положил ее на место.

– Да, дела! И что теперь? – вопрос был по-настоящему сакральным и хоть и предполагал наличие какого-то ответа, но только не конкретного. Потому что в данной ситуации его не существовало: Веры на работе не было, и, судя по всему, она там не появлялась, а ее телефон все так же был отключен. И Аполлинарий неуверенно и меланхолично закурил сигарету, предоставляя мыслям возможность самим найти выход из сложившейся ситуации.

Ему ничего не оставалось делать, как попытаться трезво проанализировать ситуацию. Вчера Вера вернулась поздно ночью с букетом цветов – значит, была на каком-то празднике, на котором ее поздравляли. А что это мог быть за праздник? Клуб, женский междусобойчик, что еще?

– А вдруг у нее появился любовник? – внезапная мысль прошила Аполлинария, как пуля, выпущенная из винтовки Мосина образца 1891 года, но, поразмыслив, он отбросил ее, как не имеющую под собой никакого основания: – И кому она нужна, эта серая мышь? Ведь борщи с котлетами и то – так толком и не научилась готовить! Значит, нужно найти ее подруг и попытаться выяснить у них, где жена. – Таков, примерно, был ход рассуждений Аполлинария, когда он старался понять, есть ли у Веры еще кто-нибудь, кроме законного супруга.

Аполлинарий точно знал, что у него где-то записан домашний телефон Ирки, и он долго морщил лоб, пытаясь вспомнить, где он может быть. Наконец – вот же он, в том самом блоке, в котором он искал рабочий телефон Веры! Он сам лично вписал его туда годик назад, подумывая, а не завести ли ему с Иркой роман. Но, наверное, это было бы чересчур, хотя жена, конечно, проглотила бы – а куда ей деваться! Но роману мешало еще одно обстоятельство: Ирка неоднократно намекала, что он – Аполлинарий – вовсе не герой ее романа – так что вскоре его энтузиазм по поводу Ирки сошел «на нет».

Как бы то ни было, но номер сохранился, и Аполлинарий быстро разыскал его среди нечитаемого вида записей, сделанных рукой его жены, и вновь поднял телефонную трубку. На его счастье Ирка оказалась дома:

– Привет, Ир. Узнала?

– О, привет! Узнала, как дела?

– Да ничего, – Аполлинарий быстро взял быка за рога, – Вера у тебя?

– Нет, а с чего ты думаешь, что она должна быть у меня?

– Ну, вы ведь вчера вечером вместе тусили? Разве не так? – Аполлинарий говорил уверенно, как будто нисколько не сомневаясь – чем немного смутил Ирку.

– Ну, вместе, и что? – Ирка осторожно подтвердила в трубку его предположение, стараясь понять, что все это значит, и что за этим последует.

– Ну – так где она?

– А я почему знаю! Вот ты и спроси, и, вообще, ты зачем мне позвонил?

– Узнать, где Вера.

– А ты лучше узнай у своего папы, может, он подскажет! – от вопросов Аполлинария Ирка быстро вышла из себя и уже кипела от злости. Ее так и подмывало все выложить ему прямо сейчас – что он теперь знатный рогоносец, и что Вера, скорее всего, укатила в Питер с олигархом, так что Аполлинарий может смело идти лесом. Но она сдержалась, просто бросила в трубку: «Все, пока!», и отключилась. А Аполлинарий остался стоять с недоуменным выражением лица, оскорбленный в лучших чувствах и словно оплеванный в спину мохнатым двугорбым верблюдом.

– А причем здесь папа? – только и смог он выдавить из себя в ответ на короткие гудки, раздававшиеся из телефонной трубки. – И что он может такого знать, чего не знаю я сам? –

Однако Иркина отповедь попала в цель – Аполлинарий, уже всерьез заподозрив неладное, скрепя сердце, набрал номер отцовского мобильного и услышав знакомое: «Да, говорите», начал говорить:

– Пап, привет! Ты как? Нормально?

– Да, сын, привет! А как твои дела? Давно прилетел?

– Не очень. Знаешь, я хотел у тебя спросить – только говори, как есть! Что у тебя с мамой произошло с моей женой? Вы что, поругались?

На противоположном конце воцарилось молчание. Аполлинарию показалось, что Нил Вахтангович как-то сконфуженно молчит. Но вот отец, немного покряхтев, ответил:

– Да, в общем, ничего особенного. Просто я поднял тост за тебя и за твоих женщин, а она не поняла шуток и, по-моему, немного обиделась! Но ведь это же не проблема – у настоящего мужчины женщин должно быть много, а жена должна знать свое место! Ведь так я тебя учил? – в ответ Аполлинарий только молча кивнул головой и, не говоря ни слова, нажал на отбой разговора.

Он нахмурился: так вот в чем причина – и как он сразу не догадался, что Вера могла психануть, узнав о его похождениях? Тогда все понятно, и следует ждать бури! Но, в любом случае, это никак не отменяет того факта, что Вера сбежала из дома, и никак не отменяет необходимости узнать, где она сейчас. Хотя, по крайней мере, причина такого ее взбрыка ясна!

Аполлинарий немного успокоился и даже решил чуть-чуть ползать по Интернету. Ему нужна пауза – он подождет, подумает и решит, что делать дальше! Он включил компьютер и зашел на один из новостных сайтов, где помимо всего прочего вывешивали и новости светской столичной жизни. Все-таки Аполлинарий владел серьезной фирмой, торгующей в том числе и патентованными средствами для повышения потенции, и к нему часто обращались за помощью люди из богемы – вернее, их доверенные лица – инкогнито. Что, конечно, не мешало самому Аполлинарию считать себя вхожим в московский гламур, и он это постоянно подчеркивал – и особенно, на людях.

Первое, что бросилось ему в глаза, – обилие кричащих заголовков: «Феерическое шоу в Крокус-Сити!», «Да здравствует король и королева!», «Шоу, перевернувшее сознание!», «Превзошли все ожидания!» и «Наследник олигарха, наконец-то, сделал свой выбор!». Заголовки были привычными (именно такими, какие всегда сопровождали любое более-менее пафосное мероприятие московского бомонда), но вот их количество, и особенно упоминание какого-то наследника, вызвали в Аполлинарии живой интерес, и он незамедлительно прошел по одной из ссылок.

С экрана на него смотрела сногшибательная красотка с огромным букетом орхидей и стоящий перед ней на одном колене парень с микрофоном в руке. Внизу фотографии был текст: «Еще один завидный жених, кажется, попался в сети! Скандальные подробности вчерашнего шоу читайте прямо сейчас!»

И Аполлинарий принялся читать:

«Вчера в Крокус-Сити Холле состоялся очередной финал ежегодного конкурса непрофессиональных моделей среди десяти самых известных московских стилистов. Победительницей конкурса оказалась до сего дня неизвестная широкой публике сногшибательная Вера Штольц (кто она, нам удалось узнать из наших конфиденциальных источников), которая насмерть сразила Интернет-аудиторию и в результате завоевала первый приз с подавляющим преимуществом.

Попутно прямо на церемонии награждения она разбила сердце золотого мальчика из Санкт-Петербурга Степана Надомникова, имя которого по праву входит в десятку самых завидных женихов страны. Прямо во время вручения призов господин Надомников сделал ей предложение выйти за него замуж, и она ответила согласием – несмотря на то, что уже замужем. Ее супруг – один из московских бизнесменов, некий Аполлинарий Замбиния, владеет эксклю-

живными правами по продаже специфических возбуждающих средств для дам и господ на территории Московского региона. Но злые языки говорят, что недавно у него случилось полное фиаско со своим главным поставщиком из Швейцарии, и теперь бизнес господина Замбиния находится на грани разорения.

Так что в прыти Вере не откажешь! Так быстро променять неудачливого бизнесмена-мужа на потенциального олигарха, уже сейчас единолично управляющего активами на сотни миллионов долларов, – это высокий класс! Браво, Вера!

И в заключении – по данным наших все тех же конфиденциальных источников, вчера она вместе со своим новым бойфрендом-миллионером прямо ночным поездом укатила в Санкт-Петербург, бросив незадачливого мужа на произвол судьбы.

Мы будем следить за дальнейшим развитием событий и с удовольствием констатируем, что на модном небосводе России вспыхнула новая звезда, которая своими острыми зубками с легкостью может померяться с любой светской львицей!»

Постепенно смысл всего прочитанного дошел до Аполлинару. Одновременно с этим на него накатило бешенство вперемешку с дикой ревностью и желанием покарать жену во что бы то ни стало. Он вскочил со стула и с невероятной силой пнул ногой первое, что оказалось у него на пути. На беду это была ножка обеденного стола, которая незамедлительно хрустнула, подломилась, и вниз со стола посыпались стаканы, тарелки, вилки и ноутбук, который так неудачно грохнулся на кафельный пол, что от него отскочила крышка с экраном.

Звон разбитой посуды и навсегда потерянного компьютера несколько не остудил пыл брошенного мужа. Теперь в ход пошли кулаки, и целью стал ни в чем неповинный холодильник, который подвергся яростному граду ударов прямо в туловище (т. е. по двери). Но поскольку холодильник был все-таки железным, то он отделался лишь небольшими вмятинами на дверце. А вот самому Аполлинару повезло меньше. При очередном зубодробительном ударе по холодильнику вместе со звоном избиваемого чуда бытовой техники раздался громкий хруст разбитой вдребезги костяшки среднего пальца на правой руке нападающего, и он с громким криком схватился за пострадавшую конечность и заскулил не своим голосом.

Одновременно с этим у него подвернулась нога, обутая в так некстати поехавший по скользкому полу домашний тапочек, и Аполлинару упал на пол, испытывая жестокий приступ боли в разорванной мышечной связке.

Это была катастрофа, масштаб которой Аполлинару еще предстояло осознать. Но пока что он только катался по полу и кусал себя за оставшуюся невредимой руку, чтобы своими истошными воплями не переполошить весь дом. Слезы застилали ему глаза, и Аполлинару с невидящим взором начал шарить руками по полу, ища подходящую опору, чтобы подняться на ноги. Пальцы нашарили мобильный телефон, который выпал у Аполлинару из кармана спортивных штанов в момент падения, и Аполлинару бешено отбросил его в сторону, пытаясь нащупать что-нибудь более весомое. Каким-то чудом ему, наконец, удалось ухватить табуретку за ножку – и это было двойной удачей, т. к. поднявшись, он смог сразу на нее сесть, пыхтя и отдуваясь. Из глаз Аполлинару продолжали сыпаться искры, а поврежденные конечности невыносимо болели. Что само по себе уже говорило о серьезности создавшегося положения.

Но это еще не все. Сквозь замутненное сознание Аполлинару вдруг пробились какие-то длинные телефонные гудки, после чего из трубки, отброшенной в самый дальний конец кухни, раздался напряженный голос Веры:

– Алло! – и через небольшую паузу опять, – алло! – Дальше последовало долгое молчание, и, прежде чем сгорбленный от боли Аполлинару успел прокричать хоть что-то в ответ, телефон отключился.

На мгновение забывшись, Аполлинару бросился к телефону, но тут же снова упал на подломившуюся ногу и теперь заорал уже во весь голос. Болевой шок, накотивший на него, был настолько сокрушительным, что Аполлинару вывернуло наизнанку, и он забился в судоро-

гах, выгибаясь и пытаясь удержать внутри содержимое желудка. Пытка болью, казалось, будет длиться бесконечно, но минут через десять она немного отступила, и Аполлинарий ползком добрался до телефона.

Первым делом он хотел убедиться, что Верин голос ему не померещился. Так и есть – отчего-то отброшенный им в припадке бешенства телефон сам по себе набрал номер Веры, и она ответила. Аполлинарий попытался повторить попытку, но, увы, сейчас Вера была недоступна или находилась вне зоны действия сети.

Вновь на Апполинурия накатила лютая злоба, но теперь он был уже осторожнее – вернее, обстоятельства вынуждали его быть осторожным. Вместо того чтобы в припадке агрессии сломать себе еще что-нибудь, он медленно, кое-как цепляясь за стену, поднялся на одну ногу и запрыгал в комнату, где в шкафчике были припрятаны сильные болеутоляющие средства. Несколько спасительных таблеток оказались очень кстати, и теперь он мог трезво мыслить. С ним случилось страшное – факт налицо! И виновата в этом, конечно, она – стерва-жена! И его месть будет страшна! А пока что нужно просто поспать, поспать, поспать... И Аполлинарий отключился.

* * *

После телефонного разговора с сыном Нил Вахтангович сильно расстроился – ведь он был человеком незлобивым и любил, когда в семье мир, спокойствие и вкусная еда в изобилии. И первой во всем этом списке стояла именно семья. А сейчас он не мог отделаться от ощущения, что он – главный виновник каких-то семейных неприятностей сына. Для него это было непереносимо, и, промаявшись в офисе часов до пяти вечера, Нил Вахтангович, предупредив жену по телефону и тепло попрощавшись со смазливой секретаршей Юлечкой, отправился к «детям» домой налаживать пошатнувшиеся отношения. По пути он заскочил в магазин, купил бутылку коньяка, фрукты и цветы для Веры. Нужно было подготовиться к бурной семейной сцене, поэтому продукты не помешают – ведь с их помощью можно оперативно организовать душевное застолье с речами и тостами и спокойно все обсудить.

Честно говоря, Нил Вахтангович и сам хотел немного коньячку. От перепадов давления у него разболелась голова, и только хороший крепкий напиток сейчас мог ему помочь. И в самом деле – не таблетки же глотать пачками! Кроме того, сегодня в офисе все молодые девушки так громко обсуждали какую-то барышню, которая выиграла какой-то приз и тут же заарканила какого-то олигарха из Питера, что их разговоры (нет-нет, да и долетавшие в его кабинет) окончательно вывели его из равновесия, и он покинул офис так быстро, как только смог.

Немного напрягаясь внутри, но решительно поднявшись на нужный этаж, Нил Вахтангович нажал кнопку домофона и стал с нетерпением ждать, пока ему откроют дверь. Но на его звонок никто не откликнулся. Тогда он позвонил еще раз, а потом еще. В квартире никого не было, что означало, что все это добро – коньяк, цветы и т. д. – Нил Вахтангович покупал зря. Но не к себе же их тащить! Поэтому, немного подумав, Нил Вахтангович со вздохом вытащил из сумки запасные ключи от квартиры сына и осторожно открыл ими дверь.

На всякий случай с порога он крикнул: «Встречайте, молодежь!», и включил свет в прихожей. Ответом на его появление была полная тишина, зато взгляду открылась картина ужасного разгрома. Помимо всего прочего, в квартире стояла невыносимая вонь из смеси табачного дыма, алкогольных паров и грязной одежды. Стараясь не дышать хотя бы первое время, Нил Вахтангович прошел на кухню, чтобы положить гостинцы. То, что он там увидел, не укладывалось ни в какие рамки слова «беспорядок», скорее, это можно было назвать побоищем – в мойке стопками громоздилась грязная посуда, стол с подломленной ножкой уныло свесил столешницу вниз, весь пол был усеян осколками разбитой посуды и частями от ноутбука, холо-

дильник стоял, немного накренившись, а на его дверце явственно были видны следы от ударов вперемешку с кровавыми пятнами.

Из уст Нила Вахтанговича вырвался полупридушенный крик, и он на всех парах заспешил в спальню, где и увидел сына, ничком лежащего на кровати в окружении упаковок болеутоляющего и снотворного, которые по виду были очень похожи друг на друга. Грудь Аполлинария медленно вздымалась и опадала, так что у Нила Вахтанговича слегка отлегло от сердца. Но его сын пребывал в глубоком беспамятстве, и все попытки растормошить его ни к чему не привели. Руки Нила Вахтанговича немного тряслись, и он, чтобы хоть как-то успокоить нервы, откупорил бутылку коньяка и сделал большой глоток прямо из горлышка. Затем медленно вытащил мобильный телефон и набрал на нем 112.

Подоспевшие через полчаса медики умело вывели Аполлинария из тяжелого забытья, сделав ему быстродействующий укол. Больной открыл глаза и, постепенно приходя в чувство, начал ошарашено оглядываться вокруг. Увидев склонившегося над собой бледного отца, Аполлинарий вяло помахал ему здоровой рукой и вновь попытался отключиться, однако был вынужден совсем проснуться из-за непрекращающейся надоедливой тряски – Нил Вахтангович схватил его за плечи и тряс, как спелую грушу – чтобы созревшие в мягком южном климате плоды поскорее осыпались на землю.

Возвращение в состояние бодрствования принесло Аполлинарию не только муки физические, но и душевные. И непонятно было, что хуже. Однако пока что его моральное состояние вообще никого не интересовало – доктор с медбратом внимательно изучали его распухшие конечности и удивленно перешептывались между собой. Наконец, доктор огласил вердикт: рука по локоть в гипсе минимум на месяц, нога – тоже; на ноге, скорее всего, сломана кость и разорваны связки – в общем, травмы серьезные, и они могут прямо сейчас подбросить Аполлинария до ближайшего травмпункта. На что Аполлинарий попытался возразить, но вновь стал жертвой накатившей на него боли, которая, судя по всему, усугублялась лихорадкой, вызванной внутренними повреждениями.

Глядя на него, врач только жалостливо покачал головой и сообщил Нилу Вахтанговичу, что они забирают его сына в Институт Склифосовского, где умеют справляться с такими травмами. И единственное, о чем он еще просит рассказать ему подробно – так это, где же Аполлинарий получил такие повреждения, и не нужно ли срочно обращаться в полицию искать злоумышленников.

Нил Вахтангович, глядя на мучения сына, только скрипел зубами, делал зверское лицо, но ничего конкретного так вымолвить и не смог. Все, увиденное им в квартире, наводило на мысль, что здесь несколько суток гудел какой-то жуткий притон, который в конце концов закончился страшной дракой и членовредительством, в результате чего его сын лежит весь переломанный. Но как тогда объяснить его утренний звонок – ведь Аполлинарий только вчера прилетел и был совершенно в нормальном состоянии! Что же произошло?

В ответ на вопросительный взгляд доктора Нил Вахтангович только неуверенно покачал головой с видом человека, который ничего не знает. Доктор пожал плечами и, не задавая больше никаких вопросов, принялся вместе с помощником закреплять Аполлинария на медицинских носилках, которые водитель «Скорой» по звонку принес им наверх. И вскоре они уже выносили Аполлинария из лифта на первом этаже и грузили в машину, после чего «Скорая», включив сирену, резко рванула вперед, унося незадачливого брошенного мужа навстречу длительному лечению и не менее длительному восстановлению. Вместе с Аполлинарием в Институт Склифосовского в машине ехал и его отец Нил Вахтангович, обуреваемый тяжелыми мыслями, но втайне радовавшийся, что все закончилась для его сына хорошо, и что бы было, если бы он – Нил Вахтангович – вовремя не подоспел на помощь?

По пути он позвонил Романне Витольдовне, которая, услышав в трубку такие известия, чуть не грохнулась в обморок и, немедленно бросив все дела и достав из тайника внушитель-

ную пачку денег, вызвала такси и рванула по направлению к Проспекту Мира, на котором и располагался Институт Склифосовского (заезд со стороны Грохольского переулка). А о Вере так никто и не вспомнил.

И мы пожелаем и Романне Витольдовне, и Нилу Вахтанговичу быстрого выздоровления их сына, а сами двинемся дальше – события неумолимо влекут нас в Северную столицу.

Глава третья. Начинается!

...Вера включила воду и немного умылась, чтобы чуть-чуть привести в порядок истрепанные чувства. Но только она вытерлась толстым пушистым полотенцем и собралась выйти из ванной, как телефон (о котором она совсем забыла) завибрировал в кармане и издал нудный протяжный особого тона гудок, который мог означать только одно: это Аполлинарий.

Вера машинально и совершенно не думая о последствиях (сказалась многолетняя привычка отвечать на всё, что звонит), выдернула трубку из кармана и ткнула пальцем в зеленый значок на экране:

– Алло! – и обмерла от страха, понимая, что непреднамеренно нарушила свою же клятву как минимум месяц не отвечать на звонки мужа. Но отступать уже некуда, и по закону жанра сейчас должен был раздаться голос Аполлинария – то ли полный злобы, то ли полный мольбы. Другого не дано – ведь именно только так и могут реагировать брошенные мужья, и редко у кого из них хватает силы принять новые условия игры и хотя бы попытаться для начала выслушать свою бывшую вторую половину.

– Алло! – напряженный, звенящий, как струна, голос Веры выдавал ее решимость сражаться за свою свободу до конца и, коль уж представилась такая возможность, выговорить Аполлинарию все, что она о нем думает. – Алло! Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет! – и Вера сбросила вызов. И, не снижая накала страстей, нажала кнопку выключения телефона и чуть было не грохнула им о стену – чтоб более никогда не вызвал у нее таких припадков сердцебиения!

Но Вера, конечно, была девушкой мягкой и довольно легко удержалась от желания разбить очередной электронный гаджет, а только сунула его обратно в карман халата. Поправила волосы, десять раз глубоко вздохнула, выравнивая дыхание, и вынырнула из ванной – ей нужно во что бы то ни стало сохранять сейчас легкое, радостное и даже немного возвышенно-возбужденное выражение лица, чтобы Степан не догадался о той буре в стакане воды, которая только что разыгралась в ванной.

Степан сидел на кухне на втором этаже – больше напоминающей выездной филиал какого-нибудь не слишком большого бара: основным элементом кухни была барная стойка, забитая всевозможными бутылками, гигантский южнокорейский трехстворчатый холодильник и промышленного вида кофемашина устрашающих размеров. Увидев ее, Вера решила, что с ее помощью можно одним махом напоить целый выводок племенных жеребцов совместно с эскорт-ротой красавиц.

Степан внимательно читал «Ведомости», одной рукой переворачивая страницы, а другой время от времени поднося ко рту очередную чашку кофе. Его взгляд был сосредоточен, брови хмурились, и сам он выглядел немного расстроенным. Однако, заслышав шаги Веры, он отложил газету, просветлел и встретил ее с широкой улыбкой, вставая с высокого барного стула и предлагая Вере место за нормальным обеденным столом, который на кухне тоже присутствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.